

А. А. Фомин

ВСЕГДА ЛИ ЛИТЕРАТУРНАЯ ОНОМАСТИКА ТОЖДЕСТВЕННА ПОЭТИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКЕ?

The article examines presently existing definitions of the onomastic area which researches proper names in the literary works. Presence of the number of parallel names for this science (literary onomastics, poetical onomastics, stylistic onomastics, literary-artistic and artistic onomastics, poetics of onym, poetonymology etc) can be explained by external and internal factors of its formation as a science. In particular, the paper views various ways of defining position of this discipline in the paradigm of philological sciences (through indication of the object and subject of studying, the area of object's presence and its functional specificity). Observing the practice of applying several definitions to this linguistic brunch, the author concludes that the terms are not totally similar in respect of semantics, and proposes a number of suggestions for using them in the onomastic researches.

Любой исследователь, занимавшийся изучением собственных имен в литературных произведениях, несомненно, не раз сталкивался с различными обозначениями данной отрасли ономастики. Чаще всего ее называют *литературной* или *поэтической ономастикой*, но встречаются и другие термины: к примеру, *стили-стическая ономастика*, *литературно-художественная* (или *художественная*) *ономастика*, *поэтика онима*, *поэтонимология* и т. д. По-разному называют ученые и объект изучения этой дисциплины, причем чаще прочих используются термины *литературный оним* и *поэтоним*, употребление которых в работах не в последнюю очередь обусловлено авторским принятием соответствующего названия дисциплины. Очень нередки, впрочем, случаи неотрефлексированного «смещения» в рамках одной работы терминов разных рядов: например, *литературная ономастика* для обозначения дисциплины и *поэтонимия* (или *поэтоним (-ы)*) для обозначения изучаемого объекта или *поэтоним* и *литературный оним* в качестве

синонимических обозначений одного и того же феномена. В связи с этим встает ряд немаловажных вопросов: во-первых, с чем связано разнообразие терминов, употребляемых для номинирования данной научной области? Во-вторых, как к этому разнообразию относиться? Не указывает ли он на отсутствие четкости и единства в понимании исследователями сущности и границ того, что они называют *литературной*, *поэтической*, *стилистической* или еще какой-нибудь ономастикой? И не затрудняет ли это понимание читателем (пусть даже специалистом) концепции того или иного исследователя, излагаемой в его работах? В частности, одну и ту же или все же разные дисциплины называют исследователи упомянутыми терминами? И, в-третьих, если существует вероятность неправильного понимания избираемой терминологии, то как свести к минимуму последствия терминологической путаницы? И возможны ли в этом вопросе какие-либо рекомендации, помогающие исследователю и читателю определить для себя содержание и взаимоотношения указанных наименований? В предлагаемой статье делается попытка найти ответы на сформулированные вопросы.

Нужно сказать, что ономатологи хотя и неоднократно обращали внимание на присутствие в научном обороте разных терминов для одной дисциплины, но в большинстве случаев ограничивались лишь констатацией этого факта, не пытаясь проанализировать смысловые оттенки их употребления. Пожалуй, наиболее обстоятельно на настоящий момент вопрос о названии того раздела ономастики, который связан с изучением собственных имен в литературных произведениях, изложен в монографии В. М. Калинкина «Поэтика онима», где ему посвящается отдельный параграф [см.: Калинкин, 1999, 68–73]. Автор здесь не просто перечисляет имеющиеся термины, а пытается разобраться в причинах этого обилия, оценить достоинства и недостатки каждого названия, с тем чтобы обосновать введение в оборот еще одного наименования научной дисциплины, которое ему представляется наиболее удачным (*поэтика онима*). Определенное место обоснованию данного термина ученый уделит и в статье [Калинкин, 2006]. Впрочем, к рассмотрению предлагаемого В. М. Калинкиным названия, как и остальных, мы обратимся чуть позже, высказав сначала ряд предварительных замечаний.

Вообще говоря, наличие параллельных названий для номинации той или иной науки или научной области нельзя считать чем-то из ряда вон выходящим. Достаточно вспомнить, что лингвистика, в состав которой обычно включают ономастику в целом и литературную (поэтическую) ономастику в частности, часто называется *языкознанием* и – реже – *языковедением*. Само по себе наличие синонимических обозначений нисколько не мешает развитию науки и взаимопониманию ученых, в ней работающих. Если бы все дело сводилось к тому, чтобы наука о собственных именах в произведениях литературы совершенно одинаково понималась бы различными исследователями в отношении своей внутренней структуры и лишь называлась различными терминами, то данная статья, по всей вероятности, была бы излишней. В этом случае все свелось бы к спору между исследователями о большей или меньшей удачности того или иного термина, о большем или меньшем

удобстве его применения. На наш взгляд, однако, различия в терминологии отражают не только вкусовые пристрастия исследователей, но и определенную разницу в осознании или интуитивном понимании ими внутренней структуры избранного научного направления и его границ, а потому могут оказаться чрезвычайно существенными для практики анализа конкретного материала. В обнаружении взаимосвязей между терминологическими единицами и отражаемыми в них воззрениями на сущность обозначаемого явления мы и видим задачу данной статьи.

Начнем с ответа на вопрос о причинах существования нескольких наименований одной и той же научной отрасли. Причины эти можно условно разделить на внешние, лежащие вне научной сферы и связанные с конкретными обстоятельствами рождения новой науки, и внутренние, связанные с различным конструированием ее ключевых понятий и с разным пониманием ее аппарата.

К внешним причинам можно отнести как молодость литературной (поэтической) ономастики, начавшей оформляться не ранее середины 1950-х гг., так и разрозненность усилий отдельных исследователей, стоявших у ее истоков, а также нескоординированность работы тех центров, которые стали формироваться вокруг энтузиастов впоследствии, когда эта дисциплина начала активно развиваться. Известно, что собственные имена в художественной литературе во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. начали изучать почти одновременно и независимо друг от друга разные ученые в разных научных центрах Советского Союза. В. Н. Михайлов, первым защитивший кандидатскую диссертацию по данной проблематике (что, кстати, позволяет условно датировать рождение новой науки 1956 г.), Ю. А. Карпенко, Л. И. Колоколова на Украине, Э. Б. Магазаник и С. И. Зинин в Узбекистане, З. П. Жаплова в Азербайджане, Д. Мгеладзе и Н. Колесников в Грузии, М. С. Альтман, С. А. Копорский, М. И. Черемисина, С. Е. Шаталов в России и ряд других исследователей обратились в это время к изучению собственных имен в произведениях различных писателей, что и привело, в конечном счете, к осознанию многими лингвистами и литературоведами самодостаточности ономастики художественной литературы как объекта исследования и автономного статуса изучающей ее дисциплины. В то же время периферийное положение литературной ономастики в общем корпусе ономастических исследований приводило к тому, что в рамках ономастических конференций и сборников ей уделялось незаслуженно мало внимания, а доклады и немногочисленные статьи с соответствующей проблематикой проходили почти незамеченными на фоне других ономастических штудий. Недостаточность и нерегулярность контактов, личных и опосредованных научными публикациями, обусловила такое положение дел, когда исследователи из разных республик и регионов огромной страны самостоятельно и без должной координации выработывали методику и основную терминологию нового направления. И когда среди прочих перед ними закономерно вставал вопрос о названии дисциплины, они решали его каждый по-своему.

Поскольку практически всеми учеными отчетливо ощущалась принадлежность ее к ономастике, благодаря очевидности объекта исследования – имен собственных, в название в качестве опорного слова неизбежно включалось наименование этой науки. А вот на специфику новой дисциплины, на ее положение в ономастике

должны были указать терминологические определения к опорному существительному, на выбор которых не могли не влиять научные интересы и сфера компетенции создающих наименование исследователей. Именно эти определения *литературная*, *литературно-художественная*, *поэтическая*, *стилистическая* стали сосуществовать и впоследствии конкурировать в названии новой дисциплины.

Внутренней причиной можно признать возможность разными способами обозначить специфику данного раздела ономастики. Нетрудно заметить, что термин *литературная ономастика* берет за основу номинации указание на объект и сферу бытования этого объекта. Действительно, объектом ее изучения являются собственные имена (или *онимия*, как стали говорить позже) произведений литературы (точнее, художественной литературы, с изучения которой началось становление новой отрасли – поэтому *литературная*). Стоит отметить, что сам по себе данный термин ничего не говорит ни о предмете исследования литературных имен, т. е. о том аспекте, в котором они изучаются, ни об общей методологии и целеустановке исследования. Зато он четко обозначает пограничное положение данной области в лингвистической и общепилологической парадигме, указывая на необходимость совмещения лингвистической и литературоведческой компетенции при анализе литературного онима. Поэтому термин, будучи «нейтральным» с точки зрения принадлежности лингвистике или литературоведению, оказывается одинаково удобным и для лингвистов, и для литературоведов, обратившихся к исследованию собственных имен в литературных произведениях. В этом, вероятно, одна из причин его успешного функционирования в терминологических системах самых разных языков – русского, украинского, польского, немецкого и т. д.

Как своеобразное уточнение названия *литературная ономастика* можно воспринимать термин *литературно-художественная ономастика*, используемый в работах В. Н. Михайлова и некоторых других ономастологов, но не получивший столь широкого распространения, как предыдущий, не в последнюю очередь из-за громоздкости. В свою очередь, к нему восходит еще менее распространенный термин *художественная ономастика*, который указывает уже не только на сферу функционирования исследуемых онимов, но и косвенно на аспект их изучения – выявление художественной нагрузки литературных имен собственных, в каком отношении он сближается с термином *поэтическая ономастика*. Впрочем, на наш взгляд, он проигрывает этому конкуренту по ряду позиций, и в частности из-за отсылки к широко понимаемой и допускающей различные трактовки категории *художественности*, мало задействованной в лингвистике, но прочно освоенной литературоведением. Поэтому он выглядит излишне «литературоведческим», создавая впечатление принадлежности называемой им науки к кругу литературоведческих дисциплин. Возможно, поэтому в работах лингвистов в настоящее время он почти не используется.

Наоборот, намного чаще используемый термин *поэтическая ономастика* с его отсылкой к *поэтике* представляется нам более удачным. По мнению В. М. Калинин, он «указывает на то, что собственные имена художественных произведений изучаются лингвистическими методами поэтики» [Калинкин, 1999, 73].

Нужно, однако, добавить, что указание на методологию называемой дисциплины, как нам кажется, в этом случае носит вторичный характер. Избираемые методы зависят от предмета и цели исследования, поэтому более важно в данном наименовании указание на поэтическую функцию онимов, которая обуславливается общей эстетической функцией художественного текста. Изучением этой поэтической функции и занимается поэтическая ономастика. Вместе с тем слишком категоричным представляется утверждение о том, что данное название декларирует принадлежность используемых для анализа методов сфере лингвистики. Термин *поэтика*, как и производное от него прилагательное *поэтический*, широко применяется не только в лингвистике, но и в литературоведении [см.: Литературный энциклопедический словарь, 1976, 295–302]; известны попытки отдельных лингвистов и литературоведов разграничить лингвистическую и литературоведческую поэтики, впрочем, как и попытки отстоять принципиальное единство и комплексный характер этой дисциплины. Долгое время *поэтика* традиционно считалась литературоведческой дисциплиной, и только после экспансии в эту область лингвистических методов и приемов анализа появилась потребность в специальном определении для работ такого типа, вследствие чего данное направление получило название *лингвистической поэтики*. Поэтому мы не видим в упомянутом наименовании ничего сугубо «лингвистического», никакого указания на исключительно лингвистический подход к изучаемому материалу и, соответственно, никакого ущемления литературоведческого подхода (что, по нашему мнению, является скорее достоинством этого термина). Таким образом, данное терминологическое словосочетание основывается на выделении важнейшей функции исследуемого материала, принимаемой в качестве предмета исследования.

Термин *стилистическая ономастика* не получил в России широкого распространения. Исследователи намного чаще предпочитают говорить о стилистических функциях собственных имен, их стилистическом потенциале, стилистической роли или назначении и т. п., как правило, не перенося данное определение на саму область исследования. В принципе, это понятно: называя ономастику *стилистической*, мы вводим ее в парадигму стилистики и обозначаем методологию и инструментарий нашей дисциплины. Определение при этом привносит в наименование ряд по-разному понимаемых и потому довольно дискуссионных моментов, связанных с осмыслением понятий *стиль* и *стилистика*, которые, как известно, вплоть до настоящего времени вызывают в лингвистике и литературоведении весьма неоднозначные трактовки. Вместе с тем такое наименование игнорирует или, по крайней мере, никак не эксплицирует тесную связь дисциплины именно со сферой литературы, так как стилистика, являясь, в самом общем определении, наукой об употреблении языка [см.: Горшков, 2001, 21], далеко выходит за пределы этой сферы. В самом деле, проблематика стилистики нередко совершенно не связана с литературой вообще и художественной литературой в частности. Так, скажем, исследование собственных имен в молодежном жаргоне [см.: Васильева, 2005, 172–190] вполне может претендовать на принадлежность к *стилистической ономастике*, но вряд ли его следует считать исследованием по *литературной ономастике*.

Термину *поэтическая ономастика* близок по смыслу предложенный В. М. Калинин [1999, 73] термин *поэтика онима*, который, впрочем, в России пока не получил широкого распространения. Автор видит в *поэтике онима* как бы новую стадию развития *литературной ономастики*, существенно отличающую ее от прежнего состояния. Он так объясняет это отличие: «Литературная ономастика изучает онимию художественного произведения. Всесторонне. А поэтика онима изучает поэтику собственных имен. Тоже всесторонне, но поэтику. Этот акцент существенным образом корректирует взаимоотношение методов и приемов исследования в новой исследовательской парадигме» [Калинкин, 2006, 84]. На наш взгляд, однако, это объяснение само нуждается в объяснении. Действительно, если *литературная ономастика* всесторонне изучает онимию художественного произведения, то, разумеется, она не должна игнорировать изучение и поэтики онимов, так как это важнейший аспект исследования онимии художественного произведения. В то же время разве *поэтика онима* может всесторонне изучать поэтику собственных имен в отрыве от самих собственных имен? И как вообще можно противопоставлять изучение онимии и изучение поэтики онимии? Это, по нашему мнению, то же самое, что противопоставлять объект предмету изучения, что некорректно. Их следует различать, но не противопоставлять. В данном случае объект изучения – онимия произведения, предмет – ее поэтика. Рассуждение В. М. Калинин, впрочем, допускает и такую интерпретацию, согласно которой новая дисциплина принимает поэтику собственных имен произведения в качестве о б ъ е к т а изучения, но, во-первых, в таком случае неясен п р е д м е т этой науки, а во-вторых, в этом случае *поэтика онима* становится по отношению к литературной ономастике частной дисциплиной, ибо обладает более узким объектом. В общем, приходится констатировать, что ясности приведенное объяснение не прибавляет.

Впрочем, в более поздних работах В. М. Калинин наряду с вышеуказанным наименованием использует и другое – *поэтонимология*, производное от ставшего уже привычным в исследованиях по ономастике художественного текста термина *поэтоним* [см.: Калинин, 2006]. Если понимать под поэтонимом собственное имя, взятое в аспекте выполнения им поэтической функции в художественном тексте, то, подобно термину *поэтическая ономастика*, в этом названии содержится одновременное указание на объект и предмет обозначаемой дисциплины. Специально отметим, что исключение из наименования слова *ономастика*, предлагаемое В. М. Калинин в обоих случаях, ведет к тому, что связь данной науки с ономастикой естественным образом ослабевает и становится опосредованной (воспринимаемой через объект исследования), тогда как связь с поэтикой усиливается. Действительно, дисциплина с названием *поэтика онима* воспринимается скорее как специфическая область поэтики, чем как специфический раздел ономастики. Название же *поэтонимология*, в которой выделяется формант *-логия*, обычный для «крупных» и самостоятельных дисциплин (филология, биология, психология и т. п.), еще резче отрывает данную дисциплину от ономастики и своим имиджем дает ей возможность претендовать, по крайней мере, на равный с ономастикой статус. Надо признать, что в ономастике последнего времени господствует тен-

денция к обособлению ее отдельных областей и их специализации, и наука об ономастике художественной литературы в полной мере отвечает этой тенденции. Поэтому оба термина, предложенные В. М. Калинин, можно сказать, «в духе времени». Отметим далее, что рефлексия над этим названием приводит к закономерной постановке важнейшего вопроса: являются ли поэтонимы особой разновидностью собственных имен со специфической функцией или самостоятельным феноменом, существующим наряду с собственными именами, однако вне ономастической системы? В первом случае поэтонимологию следует рассматривать как раздел ономастики, сколь угодно специфический, но не выходящий за ее пределы; во втором случае поэтонимология претендует на самостоятельное и независимое от ономастики положение в парадигме научного знания. Последнее представляется нам слишком экстравагантным и недостаточно обоснованным с точки зрения критериев отграничения поэтонимов от проприальных элементов.

Повторим, однако, что оба термина не стали пока широко употребительными и лишь проходят апробацию в среде ономастологов. Насколько плодотворным окажется нововведение и будут ли новые термины востребованы научным сообществом, покажет время.

Из этого обзора приведенных терминологических названий ясно, что они не взаимозаменяемы и не исключают друг друга. Исследователь, избирая определенный термин для соответствующей области ономастики, осознанно или интуитивно высвечивает близкую ему сторону или аспект этого сложного явления и тем самым ориентирует направление своей деятельности относительно структуры того когнитивного пространства, в котором он работает. Поэтому вряд ли правильным, на наш взгляд, было бы категорическое требование полного единообразия в наименовании данной ономастической отрасли. Подобное требование попросту неэффективно. Рассуждения типа «наилучшим названием для науки об именах в литературных произведениях нужно считать такое-то, тогда как прочие названия не нужны» неизбежно сводятся либо к спору о вкусах (а, как давно известно, *de gustibus non est disputandum*), либо к значительному ограничению и упрощению исследовательского представления о номинируемой области познания. Можно пользоваться разными терминами, но следует добиваться осознанного и соответствующего общему содержанию и направлению предпринятой работы использования того или иного термина, а не случайного, взятого для звучности или наобум.

Нельзя не учитывать и того факта, что литературная (поэтическая) ономастика активно развивается. Начинаясь с исследования эстетических свойств собственных имен в произведениях художественной литературы, она расширяет свой материал и умножает направления исследований. Художественная литература оказалась лишь одной из сфер применения выработанных ею методов (правда, чрезвычайно важной и, надо признаться, до сих пор недостаточно исследованной, если не сказать – почти неисследованной). Но существуют и другие сферы, где

онимы в силу своей семантической емкости и мощного экспрессивного потенциала играют немаловажную роль. В качестве примера можно указать на публицистику или рекламные тексты, активно заимствующие у художественной литературы приемы работы с онимами для повышения эффективности воздействия на реципиента. С другой стороны, ономастика художественного текста может исследоваться (и исследуется) не только в аспекте ее собственно поэтической значимости, но и с точки зрения реализации ею чисто лингвистических или общесемиотических свойств и функций, изучаемых в рамках лингвистики текста, теории референции и других направлений.

В связи с этим закономерно возникает вопрос о границах области исследования. Заканчивается ли *поэтическая ономастика* там же, где и *литературная ономастика*, а *стилистика ономастика* – где *поэтика онима*? Разумеется, речь не идет о четкой демаркационной линии, очерчивающей, подобно государственной границе, владения той или иной научной дисциплины. Но все же исследователь вправе задавать себе вопрос о месте своего исследования в сформировавшейся научной парадигме, чтобы адекватно соотнести свою работу с работами других ученых. Так, ономатолог, изучающий собственные имена в рекламных или агитационных текстах В. В. Маяковского («Нигде, кроме как в Моссельпроме» и т. п.), вправе задуматься о принадлежности своего труда к *литературной ономастике*, так же как к *ономастике поэтической*, *стилистической* и т. д. Или ученый, обратившийся к изучению проблем безымянности в каком-либо произведении или у какого-то автора (из последних работ этого направления можно упомянуть интересную главу в монографии: [Васильева, 2005, 150–171]), имеет право задать себе вопрос, лежит ли его работа в пределах *поэтики онима* или выходит за ее пределы. Должен ли лингвист, анализирующий случаи нестандартного использования онимов в современной прессе [см.: Шмелев, 1997], относить свои работы к литературной ономастике? Подобных примеров можно привести множество, и все они говорят об отсутствии прочно сложившихся, общепринятых границ между направлениями изучения проприальной лексики.

По нашему мнению, существующие на данный момент названия того раздела ономастики, о котором мы вели речь, далеко не всегда равнозначны и синонимичны. Они, по большей части, находятся в отношении пересечения. Прежде всего, это касается двух наиболее распространенных терминов – *литературная* и *поэтическая ономастика*. В сущности, они представляют собой различным образом структурированные пространства, значительная часть которых совпадает. Термин *литературная ономастика*, основанный на указании сферы бытования собственных имен, в соответствии с внутренней формой термина разумно, на наш взгляд, относить к исследованию любых сторон или функций онима в любых *литературных* текстах (публицистических, научных, официально-деловых, художественных), поскольку понятие *литература*, послужившее основой для данного термина, значительно шире понятия *художественная литература*. В этом смысле *литературная ономастика* отграничивается от ономастики нелитературной – допус-

тим, ономастики фольклора или ономастики разговорной речи. Несомненно, что центральной, важнейшей областью этого пространства тем не менее является *ономастика художественной литературы*. Именно этот, наиболее сложно устроенный объект, привлекая внимание как раз своей сложностью, сосредоточивает на себе усилия большинства исследователей литературной ономастики. В случае необходимости для обозначения этой центральной области могут быть использованы уточняющие термины *литературно-художественная* и *художественная ономастика*. Впрочем, если сфера функционирования исследуемого материала самоочевидна, термин *литературная ономастика* может использоваться и без этих уточняющих определений, так сказать, в узком смысле. Важно, что к сфере литературной ономастики могут быть отнесены и исследования, посвященные самым разным аспектам изучения имени – лингвистическому, семиотическому, психологическому, социологическому и пр., а не исключительно поэтическому, который в их кругу является важным, но не единственным типом исследования проблематики отношения *имя – текст*. Без сомнения, такое осмысление термина *литературная ономастика* значительно шире, чем принимаемое на сегодняшний день большинством ученых, но, во-первых, в нем есть внутренняя логика, задаваемая мотивировочным значением термина (так как *литературная ономастика* – это не что иное, как ономастика *литературы*), а во-вторых, он дает возможность назвать широкую область исследований, лишенную в настоящее время какого-либо обозначения.

Термином *поэтическая ономастика*, который основан на выделении поэтической функции имени, разумно пользоваться, на наш взгляд, для обозначения направления исследований ономастики в произведениях с эстетической доминантой, опять же без строгой привязки к текстам художественной литературы. Например, к поэтической ономастике (но не к ономастике литературной) можно отнести и ономастику фольклорных произведений, если она исследуется с точки зрения реализации ею поэтической функции. Конечно, и в *поэтической ономастике* центральной областью окажется изучение собственных имен художественной литературы, где поэтическая функция имени проявляется ярче всего. Таким образом, немало количество работ в равной мере может быть причислено и к *литературной*, и к *поэтической ономастике*. В то же время, можно думать, выявится немало количество работ, имеющих отношение лишь к одной из этих областей. Так, статью Л. И. Василевской [1983], где собственные имена, извлекаемые из литературных произведений, служат объектом анализа с целью выявления их некоторых чисто лингвистических свойств без рассмотрения их роли в построении художественного произведения, мы могли бы отнести к *литературной*, но не к *поэтической ономастике*. Работа же М. В. Ясинской [2003], не имеющая прямого отношения к ономастике *литературных* произведений, но выявляющая определенные направления восприятия, интерпретации и эстетического использования народным сознанием личных имен, могла бы быть соотнесена скорее с *поэтической ономастикой* в ее широком понимании.

Термин *поэтика онима/онимов (имени/имен)*, как нам кажется, лучше употреблять не для обозначения дисциплины (в этом смысле он в нашем понимании совпадает с предыдущим термином), а для обозначения функционально-эстетического потенциала собственных имен, т. е. непосредственного предмета исследования. Его синонимом мог бы стать термин *ономапоэтика*, который некогда был предложен Э. Б. Магазаником для других целей, но впоследствии переосмыслен в указанном направлении [см., например: Бершадская, 1997]. Иными словами, *поэтическая ономастика* изучает *поэтику онима*, а значит, существительное *оним* указывает на объект исследования поэтической ономастики, а существительное *поэтика* – на предмет.

От термина *стилистика ономастика*, на наш взгляд, лучше вообще отказаться из-за его некоторой неопределенности и говорить о стилистическом аспекте изучения собственных имен, стилистических приемах, функциях, стилистическом потенциале и стилистической окраске имени. Впрочем, нельзя исключить, что в рамках изучения и сопоставления идиостилей различных писателей этот малоупотребительный сейчас термин может оказаться востребован и получит применение. В этом случае им можно было бы обозначить направление исследований, соответствующее рубрике *ономастика идиостилей*.

Наконец, термин *поэтонимология* (если он, конечно, закрепится в научной коммуникации, в чем нет твердой уверенности из-за достаточной громоздкости его, а также производных и соотносимых с ним слов: *поэтонимологический*, *поэтонимосфера* и т. д.) можно было бы применить к важнейшей, центральной, «пересекающейся» части *литературной* и *поэтической ономастики*. Иначе говоря, под рубрикой *поэтонимологии* могли бы быть объединены работы, связанные с исследованием смыслообразующей активности поэтонима в художественном тексте и отношений между компонентами ономастического пространства произведения (его *поэтонимосферы*).

Возвращаясь к вопросу, сформулированному в названии данной работы, сделаем вывод: мы имеем тождество *литературная ономастика* = *поэтическая ономастика* = *поэтонимология* в пределах обширного круга исследований, сосредоточенных в пересекающейся области указанных дисциплин, при выходе же за ее пределы *литературная ономастика* перестает быть тождественной *поэтической ономастике*, а термин *поэтонимология* становится не применим ни к одной из них.

-
- Бершадская С. А.* Ономапоэтика Ф. М. Достоевского // Культура и текст. СПб.; Барнаул, 1997. Вып. 1. Литературоведение. Ч. 2. С. 13–14.
- Василевская Л. И.* Синтаксические возможности имени собственного (метонимический перенос у антропонимов) // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983. С. 156–166.

- Васильева Н. В.* Собственное имя в мире текста. М., 2005.
- Горшков А. И.* Русская стилистика. М., 2001.
- Калинкин В. М.* Поэтика онима. Донецк, 1999.
- Калинкин В. М.* От литературной ономастики к поэтонимологии // *Λογος όνομαστικῆς*. 2006. № 1 (1). С. 81–88.
- Литературный энциклопедический словарь. М., 1976.
- Шмелев А. Д.* «Нестандартные» употребления личных собственных имен в современной прессе // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997. С. 7–21.
- Ясинская М. В.* «Варвара варит, Герман гремит»: народно-этимологическая интерпретация имен святых // *Живая старина*. 2003. № 3. С. 5–7.

* * *

Анатолий Аркадьевич Фомин – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).